

В. П. БУДАРАГИН, И. И. ГУМНИЦКИЙ

Поездка за рукописями на Северную Двину

Маршрут нашей экспедиции, состоявшейся в июне—июле 1973 г., был ориентирован на районы, хорошо известные археографам. Результаты последней поездки на Северную Двину свидетельствовали о том, что рассчитывать на обильные находки в Виноградовском и Верхнетоемском районах Архангельской области уже не приходится. Тем важнее было провести контрольное обследование этих мест, попытаться максимально пополнить наши сведения о местной рукописной традиции.

Основными пунктами наших поисков стали села Топса, Афанасьевское, Пучуга и Нижняя Тойма. Вытянувшиеся на десятки километров по берегам Северной Двины и ее притоков, они представляют собой почти непрерывную цепь населенных пунктов (включая сюда с. Борок). Находки этого года подтверждают не только существование целого ряда переписчиков древнерусской книги в этих местах, но и наличие непосредственных контактов между ними. Палеографические характеристики находок свидетельствуют о постоянном книжном обмене между этими центрами.

Несколько осложняло нашу работу появившееся в последнее время недоверие местных жителей к людям, интересующимся стариной, рукописной книгой — в частности. Наплыв всякого рода «собирателей» вызвал довольно резкие выступления местной печати, в которых не проводилось, однако, четкой границы между собиранием памятников древнерусской культуры государственными научными учреждениями и частной инициативой.

Изменяется и само понятие «местного жителя», с которыми приходится иметь дело археографам. Дело в том, что много домов в этих северных деревнях оживает только на время летних отпусков и каникул. Находки в таких домах безусловно возможны, но дополнительно осложнены или отсутствием хозяев, или их некомпетентностью, иногда и нежеланием с их стороны расстаться со «старинными книгами».

В Топсе, включающей более 30 деревень, где мы начали поиски, рукописная книга сохраняется прежде всего в деревнях по правому берегу р. Топсы (так называемой Нижней Топсы). Потомки старообрядцев здесь живут и по сей день; приобрести рукописи в этих деревнях довольно трудно. На Северной Двине с рукописями расстанутся уже легче. В Нижней Топсе мы приобрели Устав и Триодь постную XVI в., отрывок пасхальной службы из Триоди цветной XVI в., старообрядческое сочинение о крещении XVIII в., Чин панихиды и Синодик поморского письма XIX в., Видение Макарию Египтянину и Поучение Иоанна Златоуста о матерной брани XIX в., Стих об Алексее человеке божьем XX в., и др.

В других деревнях находки были буквально единичны. И только в самой удаленной от Нижней Топсы (и самой ближней к Борку) деревне

Плёсо у А. С. Мининой отыскиались Тропари святым XVI в., Часовник (конволют) XVII в. и Сборник духовных стихов с добавлением Жития Алексея человека божия XIX в., содержащий два варианта стиха о пустыне, стих о Борисе и Глебе, о Иосифе Прекрасном, Иоасафе-царевиче, Богородице, о суете мира сего и Плач Адама. Один из дней мы посвятили обследованию д. Сельменьги, относящейся уже к Борецкому сельсовету. Когда-то, по воспоминаниям старожилов, эта деревня была сплошь старообрядческая и старинных книг было много. Нам удалось приобрести лишь Страсти Христовы XVIII в. и Псалтырь XIX в.

Следующим районом наших поисков стало с. Афанасьевское. Судя по рассказам, в это село раньше стекались книги не только из Афанасьевского, но и из Пучуги. Основные наши находки пришлось на д. Першинскую, где Н. Я. Баранова передала нам Минею служебную (январь—февраль) XVI в., службу Смоленской иконе Богоматери XIX в., Сон Богородицы 1905 г., два богослужебных сборника XIX в., и др. Из этого же дома происходит Златоуст XVI в. с вкладной записью 1604 г. Афанасия Митрофанова, переданный нам впоследствии в Верхней Тойме Б. Ф. Щепиным. Из других находок отметим Триодь постную и цветную (на крюках) XVII в., сборник духовно-правственного содержания XIX в., отрывок из повести о старообрядческом священноинкоке Досифее, Устав с добавлениями XIX в., и др.

В с. Пучуге выяснилось, что многие жители отдают теперь «славянские» книги за ненужностью в макулатуру. Но здесь же учительница истории пучужской школы А. Ф. Масленникова организовала учеников на соби́рание старинных книг и устроила потом в классе выставку. Мы ознакомились с находками. Для нас безусловный интерес представлял искусно орнаментированный Сборник правил из Номоканона с добавлением русской статьи об обращении с еретиками и язычниками начала XIX в. А. Ф. Масленникова передала сборник Пушкинскому Дому. Интересно, что вскоре мы приобрели сборник старообрядческий полемико-догматического содержания, состоящий из 65 глав, с добавлением присяги (патриарха Иоакима) «вступающим в сан священника», переписанный тем же почерком. А уже в Нижней Тойме к нам перешло «Утверждение пустынного жительства» работы того же безымянного переписчика и художника.

Наиболее древней рукописью, найденной на Пучуге, был богослужебный сборник XVII в. Из более поздних отметим Апокалипсис XVIII в. с добавлением чуда в церкви Фролической пустыни в 1757 г., стих о смерти и стих о пустыни XVIII в.; сборник XIX в., содержащий слова Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Нифонта Кипрского, Сказание о небесных силах и чего ради создан человек, Поучение к духовному брату (возможно, русское сочинение), статьи из Пролога, патериков и др.; запись Софронова Матвея Ивановича о пробе пера и чернил во время обучения пению в д. Постоихе 1922 г., и др. Особо отметим Лествицу духовную и богоугодную темницу (виды подвижничества), лицевой одиннадцатичастный разворот листа, выполненный в 20-х годах XIX в. и подаренный нам М. Ф. Деревцовой в д. Кодима.

Но лучшие приобретения экспедиции ждали нас в Нижней Тойме. В д. Прилук (в 8 км от Нижней Тоймы) А. М. Коробова принесла с повети вместе с какой-то книгой гражданской печати конца XIX в. и остатками лицевых святцев пучужской работы начала XX в. рукописную Триодь конца XV в. с пометой Михаила Попова сына Игнатьева, близкой по времени написания самой рукописи. Запись на лл. 181 об. — 183 сообщает: «Лета 7053 (1545 г.) продала Онфимья Воронина, жена баше покровскому попу Ивану, Иосифову сыну, сю книгу Треводь, и взяла еси на

ней десеть алтын; и нет дела да тое книги ни мне, ни моим детем и моему роду-племени; а подписал человек и со (я)зыка». На л. 130 об. еще одна запись: «Лета 7074 (1566 г.) продал сию книгу Треодь олексеевской игумен Иона ондреевскому священнику Федору, а взял на ней десеть алтын; а подписал игумен Иона своею рукою».

В этой же деревне у Ф. В. Булавина вместе с уже упоминавшимся «Утвержением пустынного жительства» был приобретен объемистый сборник последней трети XIX в., включающий повести о Меркурии Смоленском, о знамении новгородской иконы Богоматери; о Иоанне, архиепископе новгородском; о царе Аггее, о Варлааме и Иоасафе, о царице и львице, о Корнилии Выговском, с добавлением рассказов о Никоне, Слово о Григории — папе римском, Пророчество Кирилла Философа о последних днях, жития Прокопия Устюжского, Симеона Столпника, Киприяна и Устины, духовный стих о пустыне, Сказание об убиении пророка Захарии, о рождестве Богородицы, семи отроках, о Данииле-пророке и многое-многое другое.

Значительно (на 37 рукописей) пополнился архив нижнетоемского писца и рисовальщика В. И. Третьякова. Здесь его рисунки и рукописи, им переписанные, рукописи, принадлежавшие ему. Из числа последних показательно для круга читательских интересов В. И. Третьякова большое количество духовных стихов (среди них много сатирических), сказаний, слов и поучений; есть выписки о почитании книг, отрывки из азбуки, грамматики. Среди рукописей, им самим переписанных, иконописный подлинник, стих о Захее, сборник, содержащий постановление Курженокского собора, сказание о временах года, сатирический стих о табакке, о семи дочерях Антихриста, пословицы, Разговор между книжником и мальчиком и др. Особый интерес представляют записные книжки В. И. Третьякова. В одну из них вшито письмо В. М. Амосова Е. И. Меньшикову, свидетельствующее о тесном контакте борецких и нижнетоемских старообрядцев. В Нижней Тойме, кстати, мы приобрели старообрядческое сочинение о еретиках и ересь в 63 главах из библиотеки В. М. Амосова. Есть запись о пребывании в Борке и в записных книжках В. И. Третьякова.

Чрезвычайно интересно то обстоятельство, что на Севере все еще хранится большое количество орнаментированных и лицевых рукописей, настенных листов. Подтверждением тому служат новые находки прекрасных образцов северодвинской миниатюрной живописи. Нет каких-то отдельных центров, где можно было бы ожидать особенно многочисленных находок. Лицевые рукописи, которые привезены нашей экспедицией, были найдены во всех районах.

Содержание миниатюр и настенных листов разнообразно. Несколько псалтырей XIX—XX вв. содержат миниатюры с изображением царя Давида; святцы на ноябрь, декабрь, январь и февраль имеют большое количество иллюстраций, правда грубой работы. Часто встречаются и простые рисунки, — например, старообрядческий сборник XIX в. полемико-догматического характера, помимо многочисленных заставок в красках, содержит несколько раскрашенных рисунков, изображающих кресты, крестное знамение и т. п.

Многие рукописи имеют простое художественное оформление — рамки, заставки, выполненные то киноварью, то чернилами, реже красками. Но есть среди найденных книг и прекрасный образец старопечатного орнамента — это заставки Сборника правил из Номоканона. По красоте и мастерству исполнения заставки нашей рукописи можно смело сравнивать с орнаментом, вошедшим в историю искусства старопечатных книг.

Все художественно украшенные рукописи датируются поздним временем — XIX—XX вв. Но в каждой из них видно стремление художников и писцов придерживаться традиционной системы книжного оформления: везде соразмерны поля и текст книги, начало текста выделено заставкой и буквицей.

В с. Пучуге нами был найден особенно ценный памятник северодвинской живописи — к сожалению, не полностью сохранившийся одиннадцатичастный лист с изображением лестницы и богоугодной темницы, где представлены различные виды подвижничества. Красная, черная и серая краски, использованные художником, общий колорит живописи очень характерны для искусства северодвинской миниатюры.

Особенно интересным материалом для изучения живописи и рисунка настенных листов оказался архив В. И. Третьякова. В этом архиве, необычайно ценном для искусствоведов, помимо собственных произведений В. И. Третьякова, находится записная книжка художника за 1927—1929 гг., содержащая записи о технологии изготовления левкаса, шпаклевки, книжных переплетов, о письме по холсту, наконец, автобиографические сведения. В. И. Третьяков составил также несколько иконописных подлинников в виде отдельных зарисовок, прорисей, изучение которых даст возможность проследить традиции живописи, основные иконографические каноны, имевшиеся в данной местности.

Среди рисунков В. И. Третьякова оказались эскизы росписей прялок. Благодаря этим черновым наброскам уже намного полнее и конкретнее можно обрисовать процесс раскрашивания прялок и появление новых орнаментальных мотивов.

Таким образом, собрание Древлехранилища Пушкинского Дома пополнилось разнообразным и ценным в художественном отношении материалом. И то, что все лицевые и орнаментированные рукописи, настенные листы датируются XIX—XX вв., дает нам возможность продолжать изучение поздней северодвинской традиции живописи.

В итоге нашей поездки Северодвинское собрание увеличилось на 97 рукописей XV—XX вв. И можно предполагать дальнейшее пополнение собрания, если в Верхнетоемский и Виноградовский районы Архангельской области в самое ближайшее время будут направлены новые археографические группы.